

УДК 070 + 821.161.1 + 32.019.5
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-70-87

Державный миф в поздней публицистике В. Распутина: «русская идея» в эсхатологическом контексте

О. Д. Журавель

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Исследуются особенности мифологической модели, отраженной в публицистике В. Распутина 1990–2000-х гг. Выявляется комплекс взаимосвязанных мифов и мифологем: эсхатологический миф; образы внутреннего и внешнего врага; представление об уникальной миссии России как последнего православного государства; утопическое представление о власти как сочетание «державного мифа» и народной веры в справедливого царя. Показано сочетание в авторском мифе элементов «советского» мифа, идеализирующего Советский Союз, и «русской идеи» в ее древнейшем варианте как отражения теории «Третьего Рима». Основой мифотворчества В. Распутина признается этический категоризм как основа мировоззрения писателя. Прослеживаются способы конструирования мифа. Авторская мифологическая модель является частью консервативного дискурса.

Ключевые слова

публицистика, консерватизм, традиционализм, мифология, «русская идея», «Третий Рим», Валентин Распутин

Для цитирования

Журавель О. Д. Державный миф в поздней публицистике В. Распутина: «русская идея» в эсхатологическом контексте // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика. С. 70–87. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-70-87

The Autocratic Myth in the Late Journalism of Valentin Rasputin: The “Russian Idea” in an Eschatological Context

O. D. Zhuravel

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to research of features of mythological model, which is reflected in the late journalism of Valentin Rasputin. The complex of interconnected myths is revealed, their historical roots are traced. The eschatological myth is considered; the author shows that the messianic idea of Russia's unique role in the world is accompanied by the construction of the enemy image. Images of internal enemies (liberals) and external enemies (Europe and America) are demonized. The eschatological experiences of the crisis moments of “adjustment period” and the beginning of the 21st century are accompanied by utopian nostalgia for the “Golden Age”, which the writer saw in the historical background of Russia, particularly in the Soviet era. The article considers Rasputin's utopian idea of power and the government leader. Denying liberal values, the writer asserts the idea of a strong ruler, whose main function is to “fulfill God's laws”. Stalin is recognized as an example of a leader who expressed the «national spirit». Rasputin's mythology has common features with the concept of “Third Rome” and with some categories of Old Russian autocratic ideology of the 16th century, as well as with the ideas of Old Believers. The article traces the ways of constructing the author's myth. The writer's mythology is based on non-critical use of concepts and myths and is based on archetypes of national mythology. Besides, the writer constructs the myth with the help of language tools, creating neolo-

© О. Д. Журавель, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 6: Журналистика
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism

gisms and using estimation vocabulary. Rasputin's mythological model reflects the conceptual core of conservative ideology.

Keywords

journalism, conservatism, traditionalism, mythology, "Russian idea", "Third Rome", Valentin Rasputin

For citation

Zhuravel O. D. The Autocratic Myth in the Late Journalism of Valentin Rasputin: The "Russian Idea" in an Eschatological Context. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 6: Journalism, p. 70–87. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-70-87

«Не разваливать надо было Союз по планам американских специалистов-советологов, с голоса которых действовали отечественные расчленители, заходясь в требовательной истерике, а держаться вместе. Отпустив на волю вольную, разумеется, тех, кто свою совместную жизнь с Россией считал невозможной. Но и здесь прислушиваясь к мнению народному, а не к мнению национал-расплевательства...»¹, – так начинается публикация В. Распутина в авторском блоге газеты «Завтра» от 15 марта 2012 года. Текст статьи буквально совпадает со статьей писателя «Нет, не кончено с Россией», являясь ее краткой версией². Исходный текст датируется 1993 годом. Примечательно, что слова, сказанные в начале 1990-х, не потеряли свою актуальность для В. Распутина и в 2012-м, что говорит о неизменности его взглядов на протяжении многих лет. Названная публикация В. Распутина – не единственная в данной газете, его авторский блог насчитывает 15 текстов. Сотрудничество неопочвенников со сторонниками геополитического реванша и возрождения могущества «супердержавы», с А. Прохановым, А. Дугиным, Э. Лимоновым и другими не было случайным. Так, А. Разуvalова предлагает рассматривать творчество В. Распутина, Ф. Абрамова, В. Солоухина, В. Астафьева, В. Белова и прочих «деревенщиков» не столько как набор сюжетно-стилистических моделей, сколько как инструмент самоописания и самопознания национал-консерваторов [Разуvalова, 2015. С. 7]. В начале 1990-х «деревенщиков» и их недавних оппонентов объединило неприятие политики Б. Ельцина, остро негативная оценка распада СССР и реформ 1990-х, обесценивших советские ценности, которые воспринимались как альтернатива ценностям «дикого капитализма» и «либеральной разнузданности». В травматическом ключе была переосмыслена национальная культурная традиция, смена форм русской государственности, взаимодействие власти и общества [Дубин, 2011; Разуvalова, 2016]. С начала 1990-х как «деревенщики», так и новые консерваторы становятся заметными медийными персонами, формируя крайне правый консервативный лагерь, активность многих из них не снижается и в последующие годы.

В исследованиях феномена современного российского консерватизма прослеживается эволюция и типология консервативных течений, их идеологическая и социальная почва [Консерватизм в России и мире, 2004; Репников, 2014; Вититнев, 2017. С. 227–240], существует мнение, что консерватизм является господствующим трендом российского общества последних лет. Русская консервативная идеология исследуется в историческом аспекте (работы Р. Пайпса, А. Ю. Минакова, В. Я. Гросула, О. С. Кругликовой, Э. А. Попова и других).

Для автопрезентаций неоконсерваторов характерно сочетание нерелексивной составляющей, связанной с габитусными (по терминологии П. Бурдьё) характеристиками личности, и деклараций культурно-политического консерватизма [Разуvalова, 2016. С. 343]. При этом язык декларативных самоописаний, претендующий на теоретические построения, далек от научно-объективного и порой основан на причудливых конфигурациях символов и метафор. Само понятие «традиция» используется как отличительный знак, «мета особого миропонимания» [Разуvalова, 2016. С. 342]. «Почва», «корни», «преемственность», «нация», «народ» –

¹ Распутин В. Г. Прощания с Россией не будет // Завтра. 2012. 15 марта. URL: <http://zavtra.ru/blogs/proschaniya-s-rossiej-ne-budet-> (дата обращения 28.02.2020).

² Распутин В. Г. Нет, не кончено с Россией // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. М.: Алгоритм, 2016.

все эти понятия, имеющие априорно положительные коннотации, по сути, являются в этих построениях мифологемами. Добавим богатое слово- и мифотворчество публицистов консервативного толка: «собрание земель», «пятая империя», «вечная империя» А. Проханова, призывавшего основать новую идеологию «на древних устойчивых камнях: на Боге, душе, святости, товариществе, подвиге» [Разувалова, 2016. С. 352–365], поэтически воспевающего Ленина, Сталина и Путина³. Отдельного исследования заслуживают пропагандистская риторика А. Дугина, мифотворчество которого строится на сочетании обширнейшего спектра дискурсов, публикации Изборского клуба, «Института стратегических исследований», авторов «Русской доктрины». Изучение консервативного дискурса неизбежно выводит на вопросы политической мифологии.

Политическая мифология стала объектом пристального внимания исследователей с начала 1990-х гг. Рассматриваются вопросы онтологии и гносеологии политического мифа, прагматики процесса семиотизации и символизации, характерного для политического мифа [Цуладзе, 2003; Завершинский, 2015а; Завершинский, 2015б; Гигаури, 2016]. Политическая мифология актуализирует и использует в своем арсенале многие архетипические модели, поскольку «мифологические представления не исчезают, они трансформируются, либо адаптируясь к новой культурной ситуации, либо сохраняясь в подсознании во фрагментарном виде, при этом их носители не осознают их связи с универсальными мифологическими концептами» [Современная российская мифология, 2005. С. 6]. Исследователи политической мифологии так или иначе выходят на проблемы национальной мифологии, представляющей собой систему мифов о происхождении, жизни и предназначении нации. Существуют фундаментальные обобщающие исследования американской, германской, польской мифологии [Heike, 2014; Munkler, 2015; Зубжицки, 2016]. Проблемы национальной мифологии тесно связаны с понятием памяти культуры и исторической памяти [Ассман, 2004]. В целом рано говорить о том, что вопросы национальной российской мифологии научно отрефлексированы. Российские исследователи, в том числе политологи, ссылаются на монографию В. Полосина, который понимает под национальной мифологией «совокупный, иносказательно выраженный коллективный опыт самосохранения, внутренней организации и развития общества в качестве одной великой Семьи (здесь и далее курсив мой. – О. Ж.)» [Полосин, 1999. С. 83]. По В. Полосину, базовые архетипы русской национальной мифологии, укоренившиеся в политической культуре России, – это архетипы Родины-Матери, Батюшки-царя, актуализирующие мифологию иерогамии, священного брака Правителя и Земли. Их дети – национальная элита, кровь нации. Народ (почва) – это и есть тело Родины-матери [Полосин, 1999. С. 76]. Богатое фактическим материалом исследование содержит множество важных наблюдений, однако сомнения в научно обоснованной методологии вызывают как терминологическое определение с презумпцией «единой великой Семьи», так и публицистическая риторика с отчетливо выраженной «русской идеей»: «Разоренная и униженная, политически нестабильная Россия, имеющая богатый опыт соединения западной и восточной культур, может стать авторитетным духовным и политическим мировым лидером, если преодолет свое византийское прошлое и воспримет новую идеологию, основанную на непреходящих и неизменных ценностях. Все остальное в этом случае приложится. Дай ей Бог стать подлинно великой!» [Полосин, 1999. С. 434].

Сравнительно новой областью исследований является изучение мифологем, наполняющих российский медийный дискурс [Дзялошинский, 2017. С. 47–74]. Публицистика находится на пересечении нескольких дискурсов – медийного, политического, художественно-эстетического. «Публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения» [Каминский, 2013. С. 7]. Публицистика тесно

³ Проханов А. Авторский блог // Завтра. URL: <http://zavtra.ru/blogs/authors/8>.

связана с идеологией, то есть с «различными интерпретациями единого универсума, вызванными особыми социальными интересами» [Бергер, Лукман, 1995. С. 201].

Данная статья написана на материале публицистических текстов В. Г. Распутина 1990–2000-х гг., отразивших «консервативный поворот». Большая часть статей вошла в книгу «Эти двадцать убийственных лет», основанную на диалогах писателя с журналистом В. Кожемяко⁴. Цель статьи – выявить авторскую мифологическую модель. Как нам представляется, элементы этой модели входят в концептуальное ядро русского консерватизма, которое имеет историческое происхождение, обусловленное особенностями развития Российского государства, и, при определенной вариативности, способностью к воспроизведению в разных общественно-политических ситуациях. Поскольку речь идет об авторском публицистическом творчестве, мы будем иметь дело с проявлениями авторского мифа как элемента неомифологии [Мелетинский, 1976]. Однако мифотворчество в данном случае опирается на структуры, выработанные в национальной традиции, по сути дела, на элементы национальной мифологии, и находит отражение в политической мифологии консервативных кругов. С социологической точки зрения мы можем говорить о габитусном явлении – индивидуальной ментально-мотивационной модели постижения мира, возникающей в итоге субъективного преломления социально обусловленных символических форм и установок [Бурдьё, 1995. С. 16–31].

Высказывание, основанное на мифологеме, представляет читателю убедительное суждение, которое не требует строгих доказательств. Миф «создается на основе уже существовавшей семиологической цепочки: это вторичная семиологическая система» [Барт, 2014. С. 271]. Мифологема, как и миф (отличающийся от мифологемы нарративной структурой), отсылает адресата послания к представлениям, хранящимся в его сознании или подсознании, это «любое высказывание, содержащее в себе открытую или скрытую ссылку на некие вечные глобальные и универсальные истины» [Дзялошинский, 2017. С. 47].

Проза В. Распутина, как и других неопочвенников, изучена достаточно основательно⁵, чего нельзя сказать об их публицистике. Между тем публицистическая активность была свойственна практически всем неопочвенникам, понимавшим роль писателя как высокую деонтологическую миссию [Ковтун, 2009. С. 213; Каминский, 2013. С. 78–87]. Именно в публицистике их взгляды выразились наиболее отчетливо. Целостный анализ публицистического наследия В. Г. Распутина предпринят П. П. Каминским. В его монографии публицистический дискурс рассматривается в тесной связи с мировоззрением писателя, с факторами, определившими формирование и эволюцию его взглядов [Каминский, 2013]. Затрагивает исследователь и проблему мировоззренческого кризиса «позднего» В. Распутина, выраженного в статьях писателя с начала 1990-х гг. Некоторые аспекты поздней публицистики этого писателя, связанные с консервативным дискурсом, являются и предметом более подробного изучения в нашей статье.

Обращение к публицистике неопочвенников представляет интерес как в плане уточнения истории российской публицистики и журналистики, так и в аспекте исследования консервативного дискурса.

Эсхатологический миф: «эпоха за гранью жизни»

Мифотворчество является отражением особенности мировоззрения В. Распутина. Об основных этапах его становления пишет П. П. Каминский. Так, сознание писателя в молодости характеризуется авторитарностью, когда жизнь оценивается с точки зрения прочно укорен-

⁴ С. В. Власов сравнивает диалоги Распутина с Кожемяко с текстами Платона и Цицерона [Власов, 2013. С. 381–386]. Оппозиции, выражающие взгляды собеседников, такие как «мы – они», «наши – не наши», «свой – чужой», «Россия – Запад» и т. д. автор считает следствием жанровой структуры диалогов (антитеза как композиционный принцип), не вдаваясь в содержательные особенности текстов.

⁵ См., например, обобщающие монографии: [Ковтун, 2009; Русский традиционализм, 2016; Разувалова, 2015].

ненной в структуре мышления имплицитной теоретической парадигмы. «Картина мира складывается из понятий и образцов, штампов и концептов официальной социалистической культуры. <...> Мышление будущего писателя, как мышление любого массового представителя авторитарного общества, спекулятивно и связано с “удвоением” мира, когда приоритет над реальным миром отдается умозрительному...» [Каминский, 2013. С. 39–40]. Этим объясняется символизация в журналистских текстах раннего периода. В очерковой прозе Распутина, посвященной философско-экологической проблематике, исследователь вычленяет космологический миф, отметив черты архаического восприятия времени, связанные с онтологическим и антропологическим уровнями картины мира [Там же. С. 54–68]. Им же отмечено появление в публицистических текстах последних двадцати лет эсхатологических мотивов, наметившихся еще в одном из очерков 1972 г.: «в публицистике обнаруживается принципиальная структура архаических мифов о Золотом веке и конце света, воспроизводимая через призму сознания автора-современника» [Там же. С. 66]. Автор верно отметил и отличие эсхатологизма Распутина от первобытной архаики: катастрофа детерминирована «грехами людей» [Там же. С. 67]. Действительно, в значительной мере авторский миф В. Распутина формируется под влиянием его христианских взглядов, а также мифологии, сформированной в историческом прошлом России как православного государства⁶.

Эсхатологизм становится устойчивой чертой, едва ли не доминантой мировосприятия писателя в последние десятилетия его жизни. В. Распутин создает собственный, авторский миф, в структуре которого отчетливо различимы элементы христианской эсхатологии. Постсоветскую реальность писатель воспринимал как время последних испытаний: «реальность оказалась за гранью возможностей литературы. Больше того – наступила эпоха за гранью жизни. Для нее есть единственный образ – Апокалипсис в Откровении Иоанна Богослова»⁷. Аллюзии на Апокалипсис эксплицитно присутствуют в текстах: «Порой близость к апокалипсическим временам подтверждается поразительным совпадением предсказанных картин и планируемых построений: десять рогов, как десять царств, у торжествующего Зверя в Откровении Иоанна Богослова и “десять царств” в образе десяти предварительных межгосударственных образований собираемого воедино человечества перед его окончательным отданием в руки мирового правительства – в концепциях выживания»⁸.

Иррационально, в мистико-символических категориях трактуется начало нового тысячелетия, сам процесс перехода из XX века в XXI век. Время воспринимается как метафизическая категория. 3 января 1999 г. В. Распутин пишет: «Все ближе переход в очередной век и очередное тысячелетие, все ближе какое-то мистическое окончание одной книги бытия и начало новой»⁹. «Сам переход из тысячелетия в тысячелетие есть мистический акт. Меняется вся платформа, вся опорность бытия. Жизнь остается все в том же текущем продолжении, но уже на другой высоте, под другим космическим дыханием. И нас не просто вдвинут туда, как скарб, чтобы везти дальше, – так и кажется, что под особыми лучами осмотрят все наше нутро, приплюсуют к той или другой сумме, пометят, как быть с нами дальше»¹⁰. Обращает на себя внимание представление о детерминированности событий вмешательством высшей воли и, по сути дела, творческое переосмысление Страшного суда («нас вдвинут», «под особыми лучами осмотрят все наше нутро», «приплюсуют», «пометят»).

Представления о времени, наряду с представлениями о пространстве, космосе и хаосе, входят в основу мифологической картины мира. Мифологический хронотоп отличается не-

⁶ Об эсхатологической топике в художественных произведениях В. Распутина разных лет см.: [Ковтун, 2009. С. 215–217, 259–260, 343–386].

⁷ *Распутин В. Г.* У нас – поле Куликово, у них – «Поле чудес» // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. М.: Алгоритм, 2016. С. 44.

⁸ *Распутин В. Г.* Сколько лет будет в XXI веке // *Завтра.* 1999. 3 янв. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1999-01-0451> (дата обращения 12.02.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ *Распутин В. Г.* Рубеж горя и беды или все-таки надежды? // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 86.

однородностью, наличием сакрального центра (о чем речь пойдет ниже) и восприятием времени в оценочных категориях [Современная российская мифология, 2005. С. 12]. Время может быть плохим или хорошим, оно имеет свои знаковые меты, рубеж или юбилей воспринимается символически. «Конец обыденного, рядового счета совпадает еще и с полным крахом цивилизации. В этом тоже есть что-то мистическое, предостерегающее: приехали, так жить нельзя. <...> Мы погубили и извратили все, из чего могло бы браться улучшение. Начинается дикий и бесконтрольный постисторический период. И “юбилей” нам дается как предостережение, как последняя возможность выбора разумной жизни»¹¹. В 2009 году В. Распутин пишет: «Нынешний кризис – это, может быть, последнее предупреждение человечеству в тщетности и гибельности избранного пути. Это кризис не только экономики, но и культуры, нравственности, цивилизации, человеческого общежития. Кризис мирового порядка»¹². Не случайной обмолвкой является и слово «постисторический», – после рубежа веков время будто кончилось, началась апокалиптическая эпоха. Это время – «окаянное»¹³. Значение слова «окаянный» – «проклятый, нечестивый, изверженный» [Даль, 2002. С. 432]. Употребленное в качестве существительного, это слово означало «злого духа, нечистого, дьявола, сатану» [Там же]. Сходным образом охарактеризовал послереволюционную эпоху И. Бунин в своей книге «Окаянные дни». Дикость и бесконтрольность – не что иное, как разгул Антихриста.

В аспекте другой темы, противостояния врагам России, рисуется и жутковатая картина воскресения мертвых, связанная со Страшным судом: «Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится все больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоймя и двинулись на защиту своей земли. Такого еще не бывало, но может быть»¹⁴.

«Черное воинство ненавистников национальной России»

Событием, обозначившим начало века Антихриста, стал, согласно В. Распутину, распад Советского Союза, сильного государства, идеализированного в поздних высказываниях писателя. «Вернуть “утерянный рай” нельзя, нет в свете такого чуда, которое перенесло бы человека обратно к месту его заблуждения и предложило начать сначала»¹⁵. Вслед за крушением СССР у власти оказались те, кого публицист изображает как некую свору нелюдей, им отказано в именах, они названы кличками, образованными от фамилий: «Какая же в таком случае должна быть кара для тех, кто самочинно и преступно, преступив все человеческие и Божьи законы, принялся на свой манер “выстраивать” огромное государство, кто обрушил его, испоганил и обрек на издевательства и страдания миллионы и миллионы! <...> Если даже быть отпетым атеистом и не верить в Божье наказание, то и тогда проклятия им, *ельциным, гайдарам, чубайсам и абрамовичам*, столь многочисленные и солидарные проклятия – разве не трансформируются они в энергетическую силу, способную навести справедливость!»¹⁶. Президент оказывается недостоин даже того, чтобы занять центральное место в перечне либералов, проводников демократических реформ. В статье 2007 года к «ельци-

¹¹ *Распутин В. Г.* Рубеж горя и беды или все-таки надежды? Февраль, 2000 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 83.

¹² *Распутин В. Г.* Нравственность или успешность? Март, 2009 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 256.

¹³ *Распутин В. Г.* Вся жизнь я писал любовь к России. Март, 1997 г. // *В. Г. Распутин.* Эти двадцать убийственных лет. С. 39.

¹⁴ *Распутин В. Г.* Не тот победитель? Ноябрь, 1996 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 28.

¹⁵ *Распутин В. Г.* Сколько лет будет в XXI веке // *Завтра.* 1999. 3 янв. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1999-01-0451> (дата обращения 12.02.2020).

¹⁶ *Распутин В. Г.* Исчужили Россию. Февраль, 2005 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 162.

ным, гайдарам, чубайсам и абрамовичам» добавляются «коротичи», «какой-нибудь Александр Николаевич Яковлев, хитрый, длиннорукий и замаскированный»¹⁷.

«Расчленители», «национал-расплеватели» из цитаты, приведенной в начале нашей статьи, – эти и другие слова из разряда эмоционально-экспрессивной лексики с ярко выраженной негативной оценкой, с зарядом метафорической образности и мифопорождающим потенциалом – не редкость в публицистике писателя. Либерализм расценивается как диверсия против основ национальной идентичности. Параллельно конструируется национальный миф о державе, для этого, в частности, используются такие неологизмы, как «опорность бытия», «справление правды», «дух прямостояния», «призванность», «стояние». При обозначении «разрушителей основ» появляется символический эпитет: «*черное* воинство ненавистников национальной России»¹⁸. Эпитет «черный» в эсхатологическом контексте не является семантически нейтральным, в православной традиции он устойчиво закреплен за демонологической темой.

«Антихрист – фигура серьезная»

Размышляя о царской власти после «отступления» 1666 года, старообрядцы создали теорию царя-Антихриста. Эсхатологизм является ключевой особенностью картины мира старообрядцев. «И совсем не “обряд”, но “Антихрист” есть тема и тайна русского раскола. Раскол можно назвать социально-апокалиптической утопией...» [Флоровский, 1991. С. 67–68]. На Соборе 1694 г. была принята теория «духовного» Антихриста, согласно которой враг «духовно» в мире уже утвердился. Эта теория последовательно применялась к царям, начиная от Петра I [Гурьянова, 1988], затем – к руководству советского государства. «По разрушении царской власти безбожными в лето 7425 (1917. – О. Ж.) настали плачевные времена, когда покрыл бедную Россию темный облак безбожия, вскочили князи тмы на престол правления и обезумили русииский народ отступлением от Бога, восстали с яростию, как свирепые волки, на малое стадо Христова верных» [Урало-Сибирский патерик, 2014. С. 54–55]¹⁹.

Народные легенды о царе-Антихристе были знакомы В. Распутину: «Петр Первый, под которого подравнивается наш президент, в истории выносятся как преобразователь России, окно в Европу прорубил, а в сказаньях народных он – Антихрист, ломавший безжалостно и веру, и обычаи, и порядки. И еще триста лет пройдет – Антихристом и останется. Но как бы то ни было, а Антихрист – фигура серьезная. А о шутах гороховых и слава будет незамысловатей»²⁰. Посредством остроумного логического хода автор мифологизирует Ельцина, снижая его образ («шут гороховый»): высказывание строится на основе сомнительного посыла, рассчитанного на некритическое, нерациональное восприятие суждения и отсылающего читателя к представлению об Антихристе. При условии наличия этой веры высказывание, выполняя эмотивную функцию, может воздействовать убедительно.

Либеральному президенту В. Распутин противопоставляет сильных, авторитарных правителей. Сильную государственность писатель ценил и в СССР [Каминский, 2013. С. 212–213]. Мифологизируется, наделяясь утопическими чертами, Советский Союз, «происходит конвергенция образа СССР в историко-географический образ России» [Там же. С. 212]. Примечательно, что имена Иосифа Сталина и Ивана Грозного оказываются в одном контексте и одинаково положительно оценены. В 1993 г. В. Распутин с сочувствием передает слова якобы Виктора Розова о том, что «...такого холуяжа не бывало и во времена Сталина. Не бы-

¹⁷ *Распутин В. Г.* Дело Швыдкого живет. И побеждает? Февраль, 2007 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 219.

¹⁸ *Распутин В. Г.* Прилавок культуры. Март, 2006 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 190.

¹⁹ Текст передан нами здесь в упрощенной графике.

²⁰ *Распутин В. Г.* Всю жизнь я писал любовь к России. Март, 1997 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 39. Интерес В. Распутина, А. Солженицына, В. Личутина, В. Астафьева к старообрядчеству отмечался: [Ковтун, 2009. С. 220–236].

вало и во времена Ивана Грозного. Никогда не бывало»²¹. Неслучайность реплики доказывает пространное высказывание самого писателя, датированное 2010 годом: «Вот и запах Сталина не могут переносить. Но тут уж я оставлю иронию и напомним читателям, что, сколько бы ни ненавидела Сталина и на дух его не принимала нынешняя инославная «элита», не следовало бы забывать ей, что в России не только ветераны, но и молодежь относятся к нему совсем по-иному. И когда, напомним, выдвигались народом кандидатуры на “Имя Россия”, третье место после благоверного Александра Невского и П. А. Столыпина было отдано Иосифу Виссарионовичу, генералиссимусу Великой Отечественной. Мало для кого секрет, что занял-то он в действительности первое место, но на две позиции был сознательно отодвинут, чтобы “не дразнить гусей”, то есть не принимающих Сталина на дух граждан»²².

Итоги конкурса, проведенного на основе современных информационных технологий, настолько воодушевили В. Распутина, что он готов признать пользу Интернета, который прежде «недолюбливал... за его бездушное всеумение и всезнание»²³. «И когда сегодня наша недалекая либеральная то ли элита, то ли шарашка, злобно ненавидящая Сталина, требовала, чтобы в юбилейные дни 65-летия Победы и духа Иосифа Виссарионовича нигде не было, не говоря уж о портретах вождя, она добилась этим только того, что и духа, и портретов будет гораздо больше, чем если бы она так нахально не выставляла свои ультиматумы фронтовикам, да и всем нам. И правильно: не лезьте в душу народную. Она вам неподвластна. Пора бы это понять»²⁴.

По поводу особенностей авторской иронии в этом тексте И. И. Плеханова пишет: «так интегрированы синонимы “дух / запах“, идиома “не выносить на дух” и неназванный “русских дух” – и гнев, язвительная инвектива переходит в угрозу» [Плеханова, 2016. С. 130]. Высказывание В. Распутина не позволяет согласиться с П. П. Каминским, считающим, что писатель «предостерегает от мифологизации фигуры И. Сталина» [Каминский. 2013. С. 214–215]. Исследователь ссылается на слова В. Распутина о том, что «сделать чудовище из Сталина не удалось» [Там же. С. 215]. Однако, отвергая демонизацию Сталина как несостоявшийся проект «инославной элиты», писатель подтверждает его сакрализацию, присутствие «духа Сталина» в народной душе. И вновь мы имеем дело с мифотворчеством: некритично, как аксиомы, употреблены такие понятия, как «дух Сталина» и «душа народная»; неочевидным, но безапелляционным высказыванием является утверждение «мало для кого секрет, что занял-то он в действительности первое место...». Миф о «духе Сталина» конструируется на фоне бинарной оппозиции «народ – враги народа», именно неприязнь к нему либералов усиливает контуры этой символической фигуры как принадлежности патриотического лагеря, куда входят фронтовики и, собственно, народ. В одном микродискурсе пересеклись миф о Сталине, миф о народе и о душе народа, миф о врагах («шарашка», «инославная элита»). Как и в других текстах, в этом, наряду с апологией Сталина, присутствует оценочная лексика, маркирующая тему врагов. Уничижительный смысл несет и поговорка «не дразните гусей», созвучная с аналогичной «не дразните собак».

«Инославная элита», как мелкие бесы, проникшие во властные структуры, способны помешать замыслам президента. Очевидно, некоторое время В. Распутин возлагал надежды на В. Путина, однако им не суждено было сбыться, и В. Путин не занял почетного места рядом с великими предшественниками вроде И. Сталина²⁵. Одна из причин – замаскированные внутренние враги: «Если богатые тоже плачут, то почему не допустить, что и высшие должностные лица могут быть зависимы от еще более высших сил. И что не существует где-

²¹ Распутин В. Г. Нет, не кончено с Россией... Декабрь, 1993 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 22.

²² Распутин В. Г. Что у них за душой? Июнь, 2010 // Распутин В. Г. У нас остается Россия: очерки, эссе, статьи, выступления, беседы. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 1168–1169.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Это сделано, например, в построениях неоконсерваторов: Проханов А. Конец сроков, начало времен // Завтра. 2020. 19 марта. URL: http://zavtra.ru/blogs/konetc_srokov_nachalo_vremyon (дата обращения 20.03.2020).

нибудь неподалеку от главы государства (или даже подалеку) какой-нибудь Александр Николаевич Яковлев, хитрый, длиннорукий и замаскированный, умело рассадивший по наиболее важным агитпроповским седлам, как коротичей, своих ребят, способных контролировать все и вся...»²⁶. И все-таки главная беда – в предательстве, в «братании» Путина с американцами: «Всколыхнувшаяся ненадолго надежда на нового президента, что он станет искать опору внутри страны и сумеет мобилизовать народ, окончательно истаяла, как только бросился президент браться с американцами»²⁷.

«Выпросил у бога светлую Россию сатона»

Противопоставление собственной культуры и традиций иным культурам – один из основных приемов конструирования национальной идентичности [Ассман, 2004. С. 145; Нойманн, 2004. С. 70], национальная же идея основана у В. Распутина на идее верности православию как основе нравственности. Внешний враг расценивается с позиций этического категоризма, свойственного писателю, иная культура воспринимается как воплощение безнравственности и бездуховности. «Западный христианский мир встречает свое двухтысячелетие с явными признаками кризиса и похолодания к заповедям Христовым. <...> Связан этот кризис с “родимыми пятнами” Запада, приобретенными во второе тысячелетие, – такими, как индивидуализм, победа материальных интересов над духовными, победа расчета над Любовью, главным словом Христа»²⁸. Подобное утверждение невозможно ни подтвердить, ни оспорить. Абсолютизируя негативные стороны западной морали, публицист выражает идею справедливого божественного возмездия, усмотрев его в террористическом акте 11 сентября 2001 г.: «...возмездие с неба. <...> И разве не она (Америка. – О. Ж.) своей политикой и своей “культурой” посеяла на земном шаре бесстыдство и жестокость? Не она разве попрала права народов на самобытное и самостоятельное существование, применив в качестве инструмента разрушения и подавления пресловутые “права человека”?»²⁹. Личность, права человека – это то, что отрицается в этической системе традиционалистов и консерваторов. Личность обретает идентичность не через права и личную свободу, а через соединение с коллективом – родом, нацией, включаясь в традицию.

Главный удар, нанесенный со стороны Запада, – разрушение нравственности: «Этот век явился для России трагическим, страшным. <...> Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека – в вере, идеалах, нравственном и духовном прямостоянии. В прежние тяжелые времена это прямостояние не менялось»³⁰. По мнению автора, утрата Россией «своего пути», «прямостояния», есть результат влияния чуждой культуры, «разбойнейшие и бесстыднейшие порядки»³¹ были введены в стремлении подражать Западу. Взгляд Распутина на участь России близок горьким мыслям протопопа Аввакума в эпоху церковного раскола: «Выпросил у бога светлую Россию сатона, да же очервленит ю кровию мученическою. Добро ты, дьявол, вздумал, и нам то любо – Христа ради, нашего света, пострадать!» [Житие протопопа Аввакума, 1960. С. 329].

²⁶ Распутин В. Г. Дело Швыдкого живет. И побеждает? Февраль, 2007 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 219.

²⁷ Распутин В. Г. И в душу лезут диверсанты. Январь, 2002 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 126.

²⁸ Распутин В. Г. Рубеж горя и беды или все-таки надежды? Февраль, 2000 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 87–88.

²⁹ Распутин В. Г. И в душу лезут диверсанты. Январь 2002 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 111.

³⁰ Распутин В. Г. «Всю жизнь я писал любовь к России». Март, 1997 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 36.

³¹ Там же.

Закономерным следствием формирования образа врага как «другого» является ксенофобия³², в частности, юдофобия. И здесь «внутренний» и «внешний» враг смыкаются в своих разрушительных планах, в сетованиях публициста сквозит идея конспирологического заговора: «Изо дня в день слышишь еврейское: наконец-то мы захватили в России власть! <...> Самые ненавистные в России образы, с которыми связано разграбление страны, они же – Гайдар, Чубайс, Немцов, Березовский... Их хотя бы на время стоило бы куда-нибудь спрятать, не дразнить ими народ!.. <...> Куда подевалась хваленая осторожность и предусмотрительность евреев, их рассудительность и расчетливость?»³³.

«Справление государством правды»

«Русская идея» В. Распутина находится в прямой зависимости от его этической системы, последняя же «может быть описана при помощи категории долженствования» [Каминский, 2013. С. 71]. Этический кодекс строителя коммунизма с течением времени сменился ориентацией на аксиологию христианства, в политическом аспекте надежды на «духовное прямохождение» нации неразрывно связаны с идеей теократического государства. Главная функция правителя, по В. Распутину, состоит в «исполнении Божьих законов». Представление о справедливой власти является важной частью «национальной идеи», а «национальная идея – это прежде всего справедливость. Нет ничего более скрепляющего, оздоравливающего и возвышающего, чем она, справедливость, *справление государством правды*, совести и неподкупного закона»³⁴.

Эсхатологизм в традиционалистском мировоззренческом ядре, как правило, сосуществует с утопизмом, с представлением о «золотом веке» и идеальных правителях. «Лучшие государственные мужи, при монархии или социализме, пеклись, чтобы в должной мере справедливость действовала, и на нее можно было опереться»³⁵. Справедливый правитель согласует свои действия с Божественным законом, представленным если не в Новом Завете, то в кодексе строителя коммунизма: «Был же когда-то кодекс строителя коммунизма, между прочим, с Христовыми заповедями – и вот теперь кодекс разрушителя исторического Отечества с заповедями антихриста»³⁶. В мыслях писателя о справедливом правителе можно предположить отблеск народной веры в «справедливого» царя-избавителя [Чистов, 2003].

Идеализация прошлого выразилась в историософии Распутина³⁷. Писатель интересовался отечественной историей, изучал труды В. Соловьева, В. Ключевского, других авторов. Особенное внимание он уделял нескольким символическим событиям: Крещению Руси, Куликовской битве, распаду СССР. Основные вехи истории предстают как элементы сакральной метаистории, пришедшей к своему апокалиптическому рубежу. Идеи национального самосознания нередко основываются на «воображаемой преемственности, уходящей вглубь времен» [Ассман, 2004. С. 142]. Создание образа мифологического прошлого, отмеченного сакральными вехами, является важным элементом конструирования национальной идентичности, в данном случае – оформления «русской идеи».

Сакральная миссия русского народа, согласно В. Распутину и его предшественникам, основана на верности православию: «нам эта (индивидуалистическая. – О. Ж.) психология не может быть полезной, ибо мы устроены по-иному. У нас *своя вера и своя правда*. Без литургии, как мирской, так и церковной в значении общей, хоровой службы, мы бы уж сотню раз пропали»³⁸. «Если говорить о надеждах, возлагаемых по прежним понятиям на народ, то на-

³² Подробно о ксенофобии неопочвенников см.: [Разувалова, 2015. С. 419–540].

³³ *Распутин В. Г.* Краденый венец. Январь, 1999 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 70.

³⁴ *Распутин В. Г.* Исчужили Россию. Февраль, 2005 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 170.

³⁵ *Распутин В. Г.* Прилавок культуры. Март, 2006 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 190.

³⁶ *Распутин В. Г.* Цена жизни. Январь, 2007 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 196.

³⁷ Об исторических взглядах В. Распутина см.: [Каминский, 2013. С. 142–190].

³⁸ *Распутин В. Г.* Доля ты русская... Февраль, 2001 г. // *Распутин В. Г.* Эти двадцать убийственных лет. С. 109.

дежда прежде всего на верующих. Это, я думаю, сейчас сердцевина, из которой в нравственной, духовной и тысячелетней ипостаси может очнуться народ»³⁹. Православие «дает нам прежде всего надежду нынешнего нравственного и духовного выправления»⁴⁰. В вере и Церкви В. Распутин видит последний скрепляющий элемент России как государства: «единственное препятствие для устранения национальной России – Православие. Его постараются расколоть, растлить и обезобразить с помощью “свобод”. <...> Но у русского человека не остается больше другой опоры, возле которой он мог бы укрепиться духом и очиститься от скверны, кроме Православия»⁴¹.

Религия практически должна выполнять функцию политической доктрины, предлагая правителю свод нравственных заповедей, которые содержатся в Священном Писании, а также в «правде», то есть в народной этике. В синкретичной конструкции В. Распутина присутствуют не только христианские, но и крестьянские утопические идеи, что закономерно для писателя-деревенщика. Важными категориями для него являются «соборность» и «почва». «Соборность» означает коллективизм, который наиболее верно реализуется в деревенской жизни⁴². Писатель рисует образ народа как общности, черпающей связи в земле, обретающей в ней опору и через нее обретающей единство. Концепт «почвы» понимается и в прямом смысле, как земли, территории, Родины⁴³, и в значении патриархальных нравственных основ: «Без Родины он (человек. – О. Ж.) – духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе...»⁴⁴. Несмотря на разрушительные симптомы, Россия в представлении В. Распутина – оплот нравственности на земле, хотя на пути исполнения данной миссии она встречает противодействие врагов, пытающихся «не только изъять Россию из ее *первостатейного мирового значения*, но и покуситься на наш дух, на наше *самодержавно-народное сознание*»⁴⁵.

«Самодержавно-народное сознание»

В размышлениях В. Распутина встречается аллюзия на историческое событие, символически оформленное в российской истории как падение «второго Рима»: «От православия потребовали потесниться, и в Византии появился экуменизм, позднее православие и вовсе отменили. Своя культура, свои ценности оказались лишними. Потерявший историческую перспективу народ впал в апатию, потерял интерес к своей судьбе. Кончилось тем, что в 1435 году турки без особого труда приступом взяли Константинополь, и Византия окончательно ушла в историю. Разве не накладывается эта судьба на судьбу сегодняшней России?»⁴⁶. Оставим в стороне произвольную трактовку причин падения Византии. Примечательно обращение писателя к событиям, давшим толчок теории «Третьего Рима», наиболее древней версии «русской идеи». Разумеется, публицист в данном тексте выворачивает историческую схему, она выглядит иначе, чем в трактовке авторов самой концепции: если средневековые

³⁹ Распутин В. Г. Нравственность или успешность? Март, 2009 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 252.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Распутин В. Г. У нас – поле Куликово, у них – «Поле чудес». Апрель, 1998 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 46–47.

⁴² Распутин В. Г. Что же это значит – жить хорошо? Февраль, 2008 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 226.

⁴³ Распутин В. Г. И в душу лезут диверсанты. Январь, 2002 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 115.

⁴⁴ Распутин В. Г. Нет, не кончено с Россией... Декабрь, 1993 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 20.

⁴⁵ Распутин В. Г. И в душу лезут диверсанты. Январь, 2002 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 115.

⁴⁶ Распутин В. Г. Что же это значит – жить хорошо? Февраль, 2008 г. // Распутин В. Г. Эти двадцать убийственных лет. С. 235.

идеологи под Третьим, последним, Римом, подразумевали Русь самодержавную, которая должна стоять до скончания века («а четвертому не бывать»), то Россию 2008 года в свете наступившего апокалипсиса В. Распутин уподобляет империи, обреченной на падение. Но основные элементы древнерусской концепции тем не менее присутствуют в публицистике В. Распутина.

Концепция «Третьего Рима» была оформлена в 20–30-е гг. XVI в., хотя имела свои истоки в идеологии Древней Руси [Гольдберг, 1976. С. 111–116]. Она представлена в послании инока псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофея великокняжескому дьяку М. Г. Мисюрю-Мунехину и в двух анонимных текстах – послании великому князю Василию Ивановичу и в сочинении «Об обидах Церкви» [Синицына, 1998]. В ранней версии Послания Филофея Москва, а точнее, находящаяся в ней церковь Успения Богородицы, представлена как средоточие истинной веры, по сути дела, центр мира [Синицына, 1998. С. 345]. Во второй редакции этого Послания «Третий Рим» отождествлен уже со всем «державным царством»: «...старого убо Рима церкви падеся.., сия же ныне *третьяго Рима, державнаго твоего царствия* святая соборная апостольская Церкви, иже в концех вселенныя в православней христианстей вере во всей поднебесней *паче солнца светитца...*» [Синицына, 1998. С. 361]. Центром всемирного православия признается русская теократическая держава.

Данная теория основана на ряде мифологем, прежде всего «в этой схеме два аспекта: мигор и мажор, апокалиптика и хилиазм» [Флоровский, с. 11]. Эсхатологический аспект выражен формулой поэтапного отступления от истинной веры мировых центров христианства, второй аспект, по мнению Н. В. Синицыной, является «панегирическим», утверждающим взгляд на Московскую Русь как на центр вселенского православия [Синицына, 1998. С. 269–278]. Этой теории было суждено обрести большое будущее в российской идеологии и литературе, в разное время акцентировались различные ее грани, на первый план выходило то религиозное толкование (теократическая идея, Русь как центр христианского мира), то имперское, ассоциировавшееся с государственной мощью и претензией на мировое господство. Безусловно, представление о сакральном центре мира как некой мировой оси отражает древнейшую архетипическую пространственную модель иеротопии [Элиаде, 1999. С. 337–353].

В период оформления русского самодержавия идеологи стремились вписать Московское царство в контекст мировой истории. Осмысление Руси как последнего православного государства, конструирование прошлого Древней Руси в соответствии с идеями преемственности появляется и в монументальных сочинениях XVI века, созданных при Иване IV. В первом обобщающем труде по русской истории «Степенная книга царского родословия» представлена телеологическая схема истории как шестнадцати степеней восхождения к идеалу. В «Великих Минеях Четых» собираются жития всех известных святых Восточной Церкви и дополняются новыми житиями русских святых. Идея преемственности светской власти соединяется с идеей преемственности святости. Основы православного самодержавного государства, распространенные на семью, нравы и бытовой этикет, закрепляются в «Домострое». Целый ряд унификационных мероприятий 1550–1560-х гг. утверждает идею единого самодержавного государства, где государь следует заветам православия. Непосредственное участие в глобальных проектах Ивана IV принимал митрополит Макарий. Основные его идеи выражались в следующем:

1) история страны – история великих подвигов, богоугодных дел, мудрых государственных решений, христианских добродетелей ее правителей;

2) единство державы обеспечивается единством царской семьи и законным переходом власти от богоизбранного царя к потомкам;

3) Церковь и государство действуют в добром согласии (идея «симфонии») [Степенная книга, 2007. С. 94–95].

Таким образом, концепция самодержавия включала как идею сакрализации царской власти (что выражено и в посланиях Ивана Грозного князю Курбскому) [Каравашкин, 2000], так

и идею «симфонии» – византийскую идею гармонии царской и духовной власти, царя и патриарха. Идея самодержавия неотрывна от идеи православия и опирается на концепцию национальной истории. Элементы данного идейного комплекса узнаваемы в официальной теории народности С. Уварова (триада «православие, самодержавие, народность»), в построениях славянофилов разных толков, в идеях Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова, русских философов начала XX века, и так или иначе присутствуют в построениях всех традиционалистов, от старообрядцев до неоконсерваторов. Устойчивость традиционалистского комплекса в рамках культурологического подхода в некоторой степени можно объяснить тем, что «новые исторические структуры в русской культуре неизменно включают в себя механизмы, воспроизводящие заново культуру прошлого. Чем динамичнее система, тем активнее механизмы памяти, обеспечивающие гомостатичность целого» [Лотман, Успенский, 1977. С. 4–5].

«Русская идея» не является постоянной и неизменной догмой, однако в своей исходной форме предполагает мифологический комплекс, один элемент которого, как правило, влечет за собой другой. Опора на национальную идею, на соборность неизбежно связана с этическим комплексом (христианские заповеди или кодекс строителя коммунизма), мессианская идея уникальной роли России сопровождается конструированием образа врага, демонизацией его и изоляционизмом. Эсхатологические переживания кризисных моментов вызывают ностальгию по «золотому веку», поскольку эсхатология всегда связана с утопической мечтой или тоской по утраченной гармонии, утопия связывается то со Святой Русью, то с СССР, то их образы сливаются в некое духовно-символическое единство, вплоть до «пятой империи» А. Проханова. Идеи, лежащие в основе мировоззренческого ядра традиционализма или консерватизма, предполагают включение индивидуума в некую общность и недоверие к «пресловутым» правам человека, тем более – к свободе личности.

Практически все мифологемы, о которых шла речь в данной статье, не только известны в публицистике традиционалистов и неоконсерваторов, но и широко распространены в современных массмедиа. Это «миф о великом языческом прошлом славян», «о великой православной российской империи», «о великом Советском Союзе», миф «страна в кольце врагов», миф о Сталине как великом вожде [Дзялошинский, 2017. С. 49–63]. Фундаментальные концепты «державного патриотизма» и «особого пути России» в практике российских медиа разворачиваются в целый букет идеологических штампов [Там же. С. 63–67]. Процесс мифологизации образов действительности, создаваемый сегодняшними российскими СМИ, актуализирует «архаические», архетипические слои массового сознания. С одной стороны, СМИ, с другой, публицистика писателей – народных любимцев, как и современных авторов, претендующих на лидерство мнений, обладают большой силой эмоционального, психологического воздействия. Поэтическая ностальгия по прошлому, по сильной авторитарной власти, обеспечивающей мощь державы, травматическое переживание социальных и экономических проблем создают благоприятную почву для расцвета неоконсервативной идеологии, обеспечивая «новый поворот» «консервативного поворота».

Список литературы

- Ассман Я.** Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Барт Р.** Мифологии. М.: Академический проект, 2014. 351 с.
- Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
- Бурдьё П.** Структуры, Habitus, Практики // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. С. 16–31.

- Власов С. В.** Особенности публицистических диалогов В. Г. Распутина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. Вып. 3. С. 381–386.
- Вититнев С. Ф.** Современный российский консерватизм и политический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 227–240.
- Гигаури Д. И.** Политический миф и ритуал как социокультурные основания символической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2015. Вып. 3. С. 91–98.
- Гольдберг А. Л.** К предыстории идеи «Москва – Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 111–116.
- Гурьянова Н. С.** Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск: Наука, 1988. 188 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь русского языка. М.: Эксмо, 2002. 736 с.
- Дубин Б.** Символы возврата вместо символов перемен // Pro et Contra. 2011. № 5 (53). С. 6–22.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. М.: Гослитиздат, 1960. 480 с.
- Завершинский К. Ф.** Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. М., 2015. Вып. 3: Политические функции мифов. С. 92–107.
- Завершинский К. Ф.** Политический миф в структуре современной символической политики // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2015. № 2. С. 16–25.
- Зубжицки Ж.** «Polonia semper fidelis?» Национальная мифология, религия и политика в Польше // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 44–78.
- Каминский П. П.** «Время и бремя тревог». Публицистика Валентина Распутина. М.: Флинта: Наука, 2013. 240 с.
- Каравашкин А. В.** Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М.: Прометей, 2000. 418 с.
- Ковтун Н. В.** «Деревенская проза» в зеркале утопии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 494 с.
- Консерватизм в России и мире: В 3 ч. / Отв. ред. А. Ю. Минаков. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. Ч. 1. 260 с.; Ч. 2. 256 с.; Ч. 3. 220 с.
- Лотман Ю. М., Успенский Б. А.** Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Учен. зап. Тартуского ун-та. XXVIII. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1977. Вып. 414. С. 3–36.
- Мелетинский Е. М.** Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
- Нойманн И.** Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / Пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Плеханова И. И.** Ирония Валентина Распутина // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 128–138.
- Полосин В.** Миф, религия, государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
- Репников А. В.** Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.
- Разувалова А.** Писатели-деревенщики: литература и консервативная идеология 1970-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 616 с.
- Разувалова А.** Консерваторы, реакционеры, консервативные революционеры: к проблеме самоименования неотрадиционалистских сил // Русский традиционализм. История, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М.: Флинта: Наука, 2016. С. 338–368.
- Русский традиционализм. История, идеология, поэтика, литературная рефлексия. М.: Флинта: Наука, 2016. 456 с.

- Синицына Н. В.** Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М.: Индрик, 1998. 416 с.
- Современная русская мифология / Сост. М. В. Ахметова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. 285 с. (Серия «Традиция – текст – фольклор: Типология и семиотика»)
- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и коммент.: В 3 т. / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Г. Д. Ленхофф. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. 622 с.
- Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: В 3 т. Изд. подгот.: Н. Н. Покровский, О. Д. Журавель, Н. Д. Зольникова; отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. Кн. 1 (Т. 1–2). 464 с.
- Флоровский Г.** Пути русского богословия. Вильнюс, 1991 (Репринт: Париж, 1937). 599 с.
- Цуладзе А. М.** Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
- Чистов К. В.** Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 540 с.
- Элиаде М.** Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488 с.
- Heike P.** The Myths that made Amerika. An Introduction to American Studies. American Studies. Bielefeld, Transkript Verlag, 2014, 450 p.
- Münkler H.** Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2015, 606 p.

References

- Assman Ya.** Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turakh drevnosti [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity / translation from German by M. M. Sokolskaya]. Moscow, Languages of Slavic culture, 2004, 368 p. (in Russ.)
- Bart R.** Mifologii [Mythology]. Moscow, Academic project, 2014, 351 p. (in Russ.)
- Berger P., Lukman T.** Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow, Academia-Center; Medium, 1995, 323 p. (in Russ.)
- Burd'e P.** Struktury, Habitus, Praktiki [Structures, Habitus, Practices]. Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas [Modern Social Theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk, NSU Press, 1995, p. 16–31. (in Russ.)
- Chistov K. V.** Russkaya narodnaya utopiya (genezis i funktsii socialno-utopicheskikh legend) [Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends)]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin, 2003, 540 p. (in Russ.)
- Dal V. I.** Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, Eksmo, 2002, 736 p. (in Russ.)
- Dubin B.** Simvoly vozvrata vmesto simvolov peremen [Return characters instead of variable characters]. *Pro et Contra*, 2011, no. 5 (53), p. 6–22. (in Russ.)
- Eliade M.** Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya [Essays on comparative religion]. Moscow, Ladomir, 1999, 488 p. (in Russ.)
- Florovsky G.** Puti russkogo bogosloviya [Ways of Russian theology]. Vilnius, 1991 (Reprint: Paris, 1937), 599 p. (in Russ.)
- Gigauri D. I.** Politicheskii mif i ritual kak sotsiokul'turnye osnovaniya simvolicheskoi politiki [Political myth and ritual as the sociocultural foundations of symbolic politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6], 2015, no. 3, p. 91–98. (in Russ.)
- Goldberg A. L.** K predystorii idei “Moskva – Tretii Rim” [To the background of the idea of “Moscow – the Third Rome”]. In: *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi. Istoki. Stanovlenie. Traditsii*

[Cultural Heritage of Ancient Russia. The origins. Becoming. Traditions]. Moscow, Nauka, 1976, p. 111–116. (in Russ.)

- Guriyanova N. S.** Krest'yanskii antimonarkhicheskii protest v staroobryadcheskoi eskhatologicheskoi literature perioda pozdnego feodalizma [Peasant anti-monarchist protest in the Old Believer eschatological literature of the period of late feudalism]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 188 p. (in Russ.)
- Heike P.** The Myths that made Amerika. An Introduction to American Studies. American Studies. Bielefeld, Transvript Verlag, 2014, 450 p.
- Kaminsky P. P.** “Vremya i bremya trevog”. Publitsistika Valentina Rasputina [“Time and burden of anxiety”. Journalism of Valentin Rasputin]. Moscow, Flinta: Science, 2013, 240 p. (in Russ.)
- Karavashkin A. V.** Russkaya srednevekovaya publitsistika: Ivan Peresvetov, Ivan Groznyi, Andrei Kurbskii [Russian medieval journalism: Ivan Peresvetov, Ivan the Terrible, Andrei Kurbsky]. Moscow, Prometheus, 2000, 418 p. (in Russ.)
- Konservativizm v Rossii i mire [Conservatism in Russia and the world]. In 3 parts. Ed. by A. Yu. Minakov. Voronezh, Voronezh State University, 2004, part 1. 260 p.; part 2. 256 p.; part 3. 220 p. (in Russ.)
- Kovtun N. V.** “Derevenskaya proza” v zerkale utopii [«Village prose» in the mirror of utopia]. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the RAS, 2009, 494 p. (in Russ.)
- Lotman Yu. M., Uspenskii B. A.** Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka) [The role of dual models in the dynamics of Russian culture (until the end of the 18th century)]. In: Uchen. zapiski Tartuskogo un-ta. XXVIII. Trudy po russkoi i slavyanskoi filologii [Scientific notes of the University of Tartu. XXVIII. Proceedings in Russian and Slavic Philology]. Tartu, 1977, iss. 414, p. 3–36. (in Russ.)
- Meletinskii E. M.** Poetika mifa [The poetics of myth]. Moscow, Nauka, 1976, 407 p. (in Russ.)
- Münkler H.** Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin, Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2015, 606 p.
- Noimann I.** Ispol'zovanie “Drugogo”: Obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskikh identichnostei [Using the “Other”: Images of the East in the formation of european identities]. Translated from English by V. B. Litvinov and I. A. Pilshchikov, foreword by A. I. Miller. Moscow, New Publishing House, 2004, 336 p. (in Russ.)
- Plekhanova I. I.** Ironiya Valentina Rasputina [The Irony of Valentin Rasputin]. *Siberian Journal of Philology*, 2016, no. 3, p. 128–138. (in Russ.)
- Polosin V.** Mif, religiya, gosudarstvo [Myth, religion, state]. Moscow, Ladomir, 1999, 440 p. (in Russ.)
- Razuvalova A.** Konservatory, reaktionery, konservativnye revolyutsionery: k probleme samomenovaniya neotraditsionalistskikh sil [Conservatives, reactionaries, conservative revolutionaries: the problem of self-name of neotraditional forces]. In: Russkii traditsionalizm. Istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya [Russian traditionalism. History, ideology, poetics, literary reflection]. Moscow, Flinta: Nauka, 2016, p. 338–368. (in Russ.)
- Razuvalova A.** Pisateli-derevenshchiki: literatura i konservativnaya ideologiya 1970-kh godov [Village writers: literature and the conservative ideology of the 1970]. Moscow, New Literary Review, 2015, 616 p. (in Russ.)
- Repnikov A. V.** Konservativnye modeli rossiiskoi gosudarstvennosti [Conservative models of Russian statehood]. Moscow, Political Encyclopedia, 2014, 527 p. (in Russ.)
- Russkii traditsionalizm. Istoriya, ideologiya, poetika, literaturnaya refleksiya [Russian traditionalism. History, ideology, poetics, literary reflection]. Moscow, Flinta: Nauka, 2016, p. 338–368. (in Russ.)
- Sinitsyna N. V.** Tretii Rim. Istoki i evolyutsiya russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.) [Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th – 16th centuries)]. Moscow, Indrik, 1998, 416 p. (in Russ.)

- Sovremennaya rossiiskaya mifologiya [Contemporary Russian mythology]. Comp. by M. V. Akhmetova]. Moscow, Russian State Humanitarian University, 2005. 285 p. (in Russ.) (Series "Tradition-text-folklore: Typology and semiotics")
- Stepennaya kniga tsarskogo rodosloviya po drevneishim spiskam: teksty i komment. [The book of degrees of the royal genealogy: a critical edition based on the oldest known manuscripts: texts and comment.] In 3 vol. Eds. N. N. Pokrovsky, G. D. Lenhoff. Moscow, Languages of Slav. cultures, 2007, vol. 1. The Vita of St. Olga. Degrees I–X, 622 p. (in Russ.)
- Tsuladze A. M.** Politicheskaya mifologiya [Political mythology]. Moscow, Eksmo, 2003, 338 p. (in Russ.)
- Uralo-Sibirskij paterik: teksty i kommentarii [Ural-Siberian paterik: texts and comments]. In 3 vols. Ed. by N. N. Pokrovsky, O. D. Zhuravel, N. D. Zolnikova. General editor: N. N. Pokrovsky. Moscow, Languages of Slavic culture, 2014, book. 1 (vol. 1–2), 464 p. (in Russ.)
- Vititnev S. F.** Sovremenniy rossiiskiy konservatizm i politicheskii protsess [Modern Russian Conservatism and the Political Process]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2017, no. 5, p. 227–240. (in Russ.)
- Vlasov S. V.** Osobennosti publitsisticheskikh dialogov V. G. Rasputina [Features journalistic dialogues V.G. Rasputin]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2013, iss. 3, p. 381–386. (in Russ.)
- Zavershinsky K. F.** Politicheskii mif v simvolicheskikh praktikakh vlastnykh kommunikatsii: teoreticheskie eksplikatsii [Political myth in the symbolic practices of power communications: theoretical explications]. In: *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Collection of scientific papers. RAS. INION. Moscow, 2015, iss. 3: The Political Functions of Myths, p. 92–107. (in Russ.)
- Zavershinsky K. F.** Politicheskii mif v strukture sovremennoi simvolicheskoi politiki [Political myth in the structure of modern symbolic politics]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6], 2015, no. 2, p. 16–25. (in Russ.)
- Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe i drugie ego sochineniya [The life of Archpriest Avvakum, he himself wrote and his other works]. Moscow, Goslitizdat, 1960, 480 p. (in Russ.)
- Zubzhitski G.** "Polonia semper fidelis?" Natsional'naya mifologiya, religiya i politika v Pol'she ["Polonia semper fidelis?" National mythology, religion and politics in Poland]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad], 2016, no. 3, p. 44–78. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
15.02.2020

Сведения об авторе

Журавель Ольга Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

o.zhuravel@g.nsu.ru

Information about the Author

Olga D. Zhuravel, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and History of Journalism, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

o.zhuravel@g.nsu.ru